

Михаил Трухин

Рец. на: Г.С. Кан. Грозь бедой преступной силе... Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). Т. 1. Идеология. События. Люди. 680 с., ил. Т. 2. Дополнения и приложения. 600 с. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2021

Mikhail Trukhin
(*State University of Education, Moscow, Russia*)

Rec. ad op.: G.S. Kan. Grozia bedoy prestupnoy sile... Letuchiy boevoy otriad Severnoy oblasti (1906–1908). Vol. 1–2. Saint Petersburg, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23060214, EDN: NOUWXM

Научная новизна двухтомной монографии Г.С. Кана, посвящённой истории Летучего боевого отряда Северной области (ЛБО), принадлежавшего к Партии социалистов-революционеров (ПСР), не вызывает сомнения. Историки гораздо чаще обращались к изучению действий более известных групп Боевой организации партии социалистов-революционеров

(БО ПСР) или Боевой организацией эсеров-максималистов (БОМ), ставшей ядром Союза социалистов-революционеров-максималистов (ССРМ)¹. Существовали и другие схожие структуры, например, Боевой отряд при Центральном комитете ПСР (ЦБО), а также многочисленные периферийные группы эсеров. Конечно, про ЛБО не раз писали исследователи и мемуаристы². Однако обычно они рассматривали лишь некоторые эпизоды или биографии отдельных боевиков.

Кан уже не одно десятилетие плодотворно изучает судьбы участников народнического и неонароднического движений³. В своей новой монографии он задействовал обширный круг неопубликованных источников, извлечённых из 11 отечественных и четырёх зарубежных архивов, различных библиотечных и музейных учреждений и частных собраний. Значительная их часть ранее не анализировалась историками. Автором тщательно проработаны судебные материалы по делу ЛБО, хранящиеся в фондах ГА РФ и РГВИА, мемуары, периодические и публицистические издания и научные публикации. Работа иллюстрирована редкими фотографиями и удачно дополнена «Хронологической таблицей деятельности ЛБО», списком использованной литературы и именованным указателем. Первый том назван «Идеология. События. Люди», второй — «Дополнения и приложения»; каждый из них включает введение, четыре части и заключение.

Бегло охарактеризовав видных членов ЛБО и источники, отражающие их судьбу, Кан вполне логично начинает исследование с описания возникновения ПСР. Ссылаясь на слова лидера партии В.М. Чернова, он объясняет культивировавшийся в ней терроризм необходимостью самообороны, желанием дезорганизовать правящий режим и привлечь к своей

программе внимание общества. Большая часть руководства ПСР разделяла эти принципы, а молодёжь, жаждавшая революционной борьбы, охотно вступала в боевые структуры ячейки. В результате террор стал своего рода визитной карточкой эсеров⁴. В 1902–1911 гг. они осуществили свыше 200 покушений на разных лиц, убив или ранив более 200 человек⁵. Жертвы эсеров на периферии строгому учёту не поддаются. Заметно повлияли на процесс формирования ЛБО и такие события, как Московское восстание 1905 г., крестьянские волнения в Прибалтике, Кронштадтский мятеж и др.

Инициатором создания ЛБО в июне 1906 г. стала З.В. Конопляникова. Кан отмечает её энергичность, правдолюбие и нетерпимость к насилию над личностью, что было присуще многим молодым эсерам тех лет. Рано вступив в ПСР, Конопляникова изначально занималась агитационной работой, но затем увлеклась желанием убить генерал-майора Г.А. Мина, сыгравшего выдающуюся роль в подавлении декабрьского восстания в Москве. После того как руководство БО ПСР отказалось её поддерживать, она начала действовать самостоятельно, заручившись помощью комитета Северной области ПСР.

Кстати, схожий путь прошли многие эсеры. А.А. Аргунов, основавший в Саратове в 1896 г. Союз социалистов-революционеров, сперва собирался издавать нелегальную газету⁶. В.М. Зензинов присоединился в 1906 г. к БО ПСР, побывав до этого агитатором и участником Московского восстания. В воспоминаниях он признавался: «Перейти от общей партийной работы к террористической было для меня естественным и логическим дальнейшим шагом»⁷. Видная эсерка Е.В. Постникова писала, что «последним импульсом», после которого она решила войти в БО ПСР (куда

её, впрочем, не взяли), стала казнь в 1907 г. боевиков ЦБО Л.И. Зильберберга и В.М. Сулятицкого⁸.

Как правило, моральная ответственность за гибель при террористических актах случайных людей мало волновала эсеровских радикалов⁹. Как известно, 2 февраля 1905 г. член БО ПСР И.П. Каляев не стал бросать бомбу в вел. кн. Сергея Александровича, поскольку с ним в карете находились жена и племянники. Но остановила его лишь неуверенность в одобрении товарищами взрыва при таких обстоятельствах. Позднее организатор убийства великого князя Б.В. Савинков осторожно напишет: «Моральная сторона вопроса — гибель невинных людей — смущала меня»¹⁰. Член ЛБО Н.С. Калашников вспоминал, какой ужас они с Коноплянниковой ощутили, узнав, что 12 августа 1906 г. при взрыве дачи председателя Совета министров П.А. Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге, совершённом БОМ, погибли и пострадали около 60 человек (т. 1, с. 62—63). Однако буквально на следующий день, 13 августа, Коноплянникова хладнокровно застрелила Мина на станции Новый Петергоф на глазах у жены и юной дочери. Правда, после задержания она предлагала своими руками обезвредить принесённую бомбу и интересовалась участью жертв.

В октябре 1906 г. ЛБО возглавил А.Д. Трауберг — аскетичный интеллектуал, рассуждавший о разнице между «террористом-карателем» и «простым убийцей» и утверждавший, что те, кто не испытывает «муки совести», не могут считаться революционерами. Он даже отказался принять в отряд матроса, застрелившего околоточного надзирателя при первом же подозрении в том, что тот следит за ним ночью. На первый взгляд, этим он несколько отличался от других руководителей боевых групп эсеров

и в первую очередь от лидера БО ПСР Г.А. Гершуни — горячего сторонника применения взрывчатки для «шумных историй», любившего повторять, что у него «мало веры в револьверы»¹¹. Однако под влиянием обстоятельств и «неумолимой логики борьбы» Траубергу пришлось закрывать глаза на «муки совести» (т. 1, с. 116, 119—121). При этом сам он не принимал участия в покушениях, но не устранял себя от текущей жизни отряда, в котором всегда сохранялась атмосфера внутренней демократии, взаимопонимания и дружбы. Трудно представить, чтобы так держался тот же Гершуни, который относился к рядовым боевикам как к расходному материалу.

Во главе ЛБО Трауберг пытался добиться большей самостоятельности от ЦК ПСР и внедрения новых методов террора (нанесение ударов сразу по нескольким жертвам, привлечение сотрудников полиции в качестве информаторов и т.п.). Амбициозного Савинкова, спорившего и пикировавшего с Траубергом, успехи ЛБО, как конкурирующей структуры, скорее раздражали, чем радовали. Несомненно, против новаций ЛБО выступал и Е.Ф. Азеф, опасавшийся разоблачения. В ЦК ПСР не доверяли или, точнее, не сразу оценили боевые возможности ЛБО. Дерзкий побег из полицейского участка после случайного ареста, бесспорно, ещё более укрепил репутацию Трауберга в партии. Под его руководством террористы расправились с пятью должностными лицами: 26 декабря 1906 г. от их рук погиб начальник Главного военного-судного управления Военного министерства главный военный прокурор В.П. Павлов¹², 17 января 1907 г. — начальник Петербургской временной тюрьмы Н.И. Гудима, 13 августа — начальник Петербургской одиночной тюрьмы «Кресты» А.А. Иванов, 28 августа — начальник Алгачинской тюрьмы

С.А. Бородулин, 15 октября — начальник Главного тюремного управления Министерства юстиции (ГТУ) А.М. Максимовский¹³. Автор объясняет столь последовательный выбор целей гнетущей атмосферой, царившей в этих тюрьмах, моральным и физическим унижением заключённых (по бои, розги, принудительное принятие пищи при голодовках и т.п.). Но, сохраняя объективность, он признаёт, что ужесточение режима содержания под стражей было вызвано участвовавшимися побегами узников при относительно льготных условиях. Более того, сам Кан пишет, что все, лично знавшие Максимовского, «отмечали его высокие нравственные и человеческие качества». По словам автора, он «был трагической и по-своему обаятельной личностью» и старался по возможности смягчать тюремный режим, насколько это позволяло исполнение служебного долга (т. 1, с. 384–400).

Не следует также забывать, что тогда же отряд готовил покушения на командующего войсками Петербургского военного округа вел. кн. Николая Николаевича, адмирала Ф.В. Дубасова (лишь по счастливой случайности избежавшего гибели), генерала П.К. Ренненкампа, председателя Государственного совета М.Г. Акимова, министров В.Н. Кокорцова, А.Ф. Редигера и И.Г. Щегловитова, петербургского градоначальника Д.В. Драчевского и др.

Центральной мишенью для всех террористических групп с лета 1906 г., несомненно, являлся Столыпин (в 1905–1911 гг. на его жизнь покушались 11 раз). Именно на главу правительства в оппозиционных кругах возлагали ответственность за репрессивный характер внутренней политики и суровость военных судов, казнивших в 1906–1911 гг. по разным оценкам от 2155 до 3527 революционеров. Тогда как только в 1906–1908 гг. боевиками

были убиты 2493 служащих (из них не менее 98 — эсерами) и свыше 3,5 тыс. частных лиц (т. 1, с. 255–258). Как показывает Кан, Пётр Аркадьевич действительно противился смягчению приговоров генерал-губернаторами и командующими военных округов, порою склонными демонстрировать великодушие (т. 1, с. 258–267). В январе–феврале 1907 г. в ЛБО готовились закидать бомбами автомобильный кортеж премьер-министра в Петербурге, и, возможно, это имело бы трагические последствия, если бы ЦК ПСР не потребовал в ультимативной форме передать дело в руки ЦБО (т. 1, с. 272). Лишь в середине июля отряд вновь взялся за него, а в августе едва присоединившийся к группе В.В. Лебединцев уже составил план, согласно которому два боевика, проникнув на заседание Государственного совета, взорвали бы принесённые с собою бомбы в той части зала, где находились Столыпин и другие министры.

Характерно, что даже не доведённые до конца «акции» повышали авторитет ЛБО в революционной среде. Вполне вероятно, если бы не арест, в ноябре 1907 г. Трауберг мог претендовать на роль нового руководителя БО ПСР, поскольку Гершуни умирал от саркомы лёгкого, а Азефа уже подзревали в связях с полицией. Постепенно лидер ЛБО стал чаще думать о масштабных террористических актах, а не об их неудобных последствиях. Ещё в 1906 г., планируя взорвать Рыцарский дом в Риге, он допускал в доверительном разговоре с писателем Я. Акуратером, что погибнут только «некоторые невинные» (т. 1, с. 116). Но, к примеру, Лебединцев высказывался гораздо резче. Осенью 1906 г. он хранил в своей одесской квартире взрывчатку, и на вполне резонное замечание публициста В.Е. Жаботинского о риске случайной детонации, при которой бомбы убьют в доме детей

и женщин, заявил, что для пользы революции не следует «считать букашек, даже если они двуногие». Однако во время своего ареста 7 февраля 1908 г. на улице в Петербурге Лебединцев предупредил полицейских о том, что имеет при себе бомбу и просил проявлять осторожность (т. 1, с. 519–520).

15 октября 1907 г. ЛБО приступил к реализации своего самого дерзкого предприятия. Планировалось, что Е.П. Рогозинникова, имея при себе два пистолета и около 6 кг экстрадинамита, спрятанного под одеждой, застрелит в здании ГТУ Максимовского, после чего выбросит в окно браунинг, подав тем самым сигнал другим боевикам ЛБО, которые забросают бомбами высокопоставленных лиц, прибывших на место трагедии (ожидали, по крайней мере, градоначальника и министра юстиции). Если бы это не получилось, ещё один террорист в прокурорской форме должен был зайти в ГТУ с бомбой и добить уцелевших. Сама Рогозинникова, предвидя арест, собиралась взорвать спрятанный на себе заряд во время допроса в Петербургском охранном отделении. При этом в здании находились частные квартиры, и задуманный мощный взрыв, несомненно, в разы превзошёл бы по числу жертв драму на Аптекарском острове. Однако, застрелив Максимовского, Рогозинникова не сумела известить об этом сообщников. Тем временем экстрадинамит расплавился от температуры её тела и не мог детонировать. Арестованная террористка сама рассказала о бомбе, не желая, чтобы пострадал кто-то ещё. Несмотря на попытки родственников доказать её невменяемость, 18 октября она была повешена. А 22 ноября, получив сведения от Азефа и арестованного боевика ЛБО Ф.С. Масокина, полиция смогла выследить и арестовать Трауберга и ещё двух членов отряда в Финляндии.

В декабре 1907 г. фактическим руководителем ЛБО стал Лебединцев. Тем не менее, как констатировал Чернов, характеризуя положение отряда в последние месяцы его существования, «таким людям нельзя было запретить заниматься их делом» (т. 1, с. 488). 7 февраля 1908 г. Лебединцева и ещё девятых боевиков арестовали в Петербурге, а через десять дней последнего лидера ЛБО и шестерых его товарищей (в том числе трёх женщин) казнили. 16 мая 1908 г. на виселице оборвались жизни Трауберга и Масокина.

Скрупулёзно восстанавливая хронологию деятельности ЛБО в 1906–1908 гг. и судеб всех выживших членов отряда в последующие годы, Кан глубоко погружается в их личные чувства, привычки и увлечения. Благодаря этому он создаёт удивительно точные исторические портреты революционеров с живыми человеческими оттенками. Возможно, что в некоторых случаях автор невольно преувеличивает творческие или нравственные достоинства членов ЛБО, но он отнюдь не идеализирует их поступки и не оправдывает террористическую практику. Вместе с тем его исследование показывает, что каждый эсеровский террористический акт имел отчётливо выраженные субъективные черты и должен рассматриваться особо, с учётом всех деталей произошедшего. Монография Кана убеждает в том, что все видные боевики ЛБО являлись не только идейными революционерами-террористами, но и яркими личностями с весьма незаурядными качествами. У каждого из них имелись собственные побудительные мотивы присоединиться к эсерам. Но большинство боевиков ЛБО вступали в отряд вследствие душевного кризиса, характерного для людей с драматическим отношением к несправедливости устройства жизни в России и физически несовместимых с авторитарным

режимом. Встав на путь террора, они отказывались от любых корыстных побуждений, их материальное положение почти всегда оставляло желать лучшего. Им было также свойственно стоическое отношение к ожидавшей их скорой смерти и мужественное поведение во время казней.

Но порою счастливый случай давал террористу, уже готовому принести себя в жертву, шанс на спасение. Так, в начале 1907 г., сразу после несостоявшегося покушения на Ренненкампа, Калашников и его друг Е. Измайлов (согласно плану, боевики должны были взорвать себя вместе с генералом на Николаевском вокзале в Петербурге) испытали глубочайшее потрясение, пережив внезапное возвращение к жизни, с которой они уже успели проститься. В октябре 1907 г., находясь в Омске, они вместе с ещё одним боевиком М. Левенсоном совершили попытку экспроприации денег, вновь оказавшись на грани смерти. Но тут ещё возникло ощущение стыда от того, что их революционная борьба скатилась до уровня авантюры в духе максималистов. В итоге Калашников разумно решил отойти от революционного движения и заняться самообразованием (т. 1, с. 275–277, 339–340). Ему довелось испытать ссылку, пройти через Первую мировую и Гражданскую войны и оказаться известным в эмиграции писателем. По мнению Кана, судьба этого человека отбрасывает «умиротворяющий свет» на трагическую участь всего отряда (т. 2, с. 8).

Изучая русский радикализм начала XX в., необходимо учитывать, что социальный состав ПСР не только на стадии её формирования, но и в дальнейшем выглядел разношёрстно. Для большинства молодёжи эта организация ассоциировалась с традициями народовольцев и тактикой террора, баррикадных боёв и экспроприаций. Любая легальная, и особенно пар-

ламентская, деятельность у многих эсеровских боевиков вызывала пренебрежение и даже презрение¹⁴. В начале 1906 г. организационное оформление ПСР, наконец, завершилось, были утверждены и её программные документы. Та небольшая часть эсеров, которая предпочла легализацию и мирный путь политической борьбы, объявила себя народными социалистами (энесами). Наиболее одиозных сторонников террористических методов объединил ССРМ, также немногочисленный. Всё это позволило руководству ПСР избавиться и от наиболее умеренных, и от плохо контролируемых левых элементов. Однако достичь полной идейной однородности не удалось. К концу Первой русской революции численность партии достигала не менее 62 600 человек¹⁵, она стала крупной организацией. При этом основной её костяк составляли лица, ещё не достигшие 30 лет. И эта радикальная молодёжь была готова добровольно жертвовать собой за право называться эсером. Большинство членов ПСР сохраняли верность программным принципам и партийной дисциплине, хотя давалось это порой очень непросто. Временное, а в перспективе и полное прекращение террора оставалось для них камнем преткновения. То, что принесло им известность, теперь превращалось в ненужное и даже вредное обременение. Лидеры ПСР, как правило, были готовы от него отказаться, тогда как члены ЛБО, напротив, полностью погружались в боевую работу, которая обрекала их на гибель. Однако те из них, кто нашёл в себе силы отойти от террора, смогли не только сохранить жизнь себе и другим, но и принести пользу обществу.

Примечания

¹ См., в частности: Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в Первой российской революции. М., 1989; Горюничский Р.А. Боевая орга-

низация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.

² *Васильев С.* Памяти Н. С. Калашникова // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1961. 24 августа. № 17699. С. 2; *Васильева Л. М.* К истории создания «Рассказа о семи повешенных» Леонида Андреева // Историко-астрономические исследования. Вып. XI. М., 1972. С. 255–286; *Делевский Ю.* Дело Азефа и «семеро повешенных» // Голос минувшего на чужой стороне (Париж). 1926. № 4. С. 121–156; *Идельсон М. В.* Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993. С. 7–22; *Клапина З. В.* Памяти А. Трауберга // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 2–3. С. 58–63; *Хирьяков А.* Зинаида Коноплянникова // Голос минувшего. 1918. № 10–12. С. 297–307.

³ *Кан Г. С.* Наталья Климова. Жизнь и борьба. СПб., 2012; *Кан Г. С.* Что остаётся «для вечности» // Российская история. 2013. № 1. С. 156–163; *Кан Г. С.* Зинаида Коноплянникова и убийство генерала Г.А. Мина // Российская история. 2015. № 5. С. 99–117; *Кан Г. С.* Вера Фигнер: известная и неизвестная // Российская история. 2021. № 2. С. 214–220; *Кан Г. С.* Аарон Зунделевич: от раввинского училища к «Народной воле» // Архив еврейской истории. Т. 12. М.; Бостон; СПб., 2022. С. 128–229.

⁴ Подробнее см.: *Гейфман А.* Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997; *Прайс-ман Л. Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001; *Будницкий О.В.*

Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). Изд. 2. М., 2016.

⁵ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы / Отв. ред. В.В. Шелохаев. Сост. Н.Д. Ерофеев. В 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 377–389.

⁶ Подробнее см.: *Трухин М.Д.* Социалисты-революционеры // Политические партии России начала XX в. Т. 3. М., 2022. С. 43–57.

⁷ *Зензинов В.М.* Пережитое. Воспоминания эсера-боевика, члена Петросовета и комиссара Временного правительства. М., 2022. С. 251–252.

⁸ *Постникова Е.В.* Записки революционерки. СПб., 2018. С. 312.

⁹ *Трухин М.Д.* Социалисты-революционеры. С. 43–57.

¹⁰ *Савинков Б.В.* Воспоминания террориста. М., 1991. С. 66, 93, 268.

¹¹ *Лонге Ж.* Террористы и охранка. М., 1924. С. 114; *Городницкий Р.А.* Боевая организация... С. 60–61.

¹² В «Хронологической таблице» это управление ошибочно отнесено к Министерству юстиции (т. 1, с. 652), но в самом тексте такой ошибки нет (т. 1, с. 149).

¹³ Бородулина застрелили в Пскове, все остальные погибли в Петербурге.

¹⁴ *Трухин М.Д.* Борьба неонароднических партий за созыв Учредительного собрания в России. 1901 – начало 1918 гг. М., 2016. С. 49–50.

¹⁵ *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 43–49, 407–455.